

Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм как формы адаптации к социально-экономическим условиям

Быстро меняющиеся условия жизни современной России, экономические, политические и социальные трансформации вызывают изменения в сознании и экономическом поведении населения. Отказ от части старых и восприятие новых ценностей и поведенческих установок выпадают как условие адаптации к новым жизненным реалиям.

Термины

Проблема социально-экономической адаптации населения является одной из основных тем, привлекающих внимание современных российских исследователей. Выявлено большое количество как способов адаптации к изменившимся условиям среды, так и критериев их типологизации¹. Различны и трактовки самой адаптации как процесса и результата приспособления индивида к условиям изменившейся среды.

В настоящей работе мы рассматривали *успешную* социально-экономическую адаптацию; основным ее критерием считаем поддержание такого уровня жизни, который позволяет сохранять или повышать социальный статус и удовлетворять материальные и духовные потребности индивида (или социальной группы).

Существует два основных типа жизнеобеспечения человека — опора и расчет преимущественно на *свои* силы либо ориентация на поддержку извне, использование чужих ресурсов. Конечно же, людей, целиком независимых в своем жизнеобеспечении, практически не бывает: «одинокие волки» не вписываются в функционирование современного социума. Но различия в уровне зависимости у людей значительны: «независимость» означает, что индивид сам является субъектом экономической поддержки, она предполагает его финансовые обязательства перед другими² (отметим, что субъективное ощущение экономической независимости совпадает с большой — 70% и более — долей доходов индивида в семейном бюджете). С другой стороны, и «независимые» все же зависят от общей экономической конъюнктуры, от государственной политики, блокирующей либо поощряющей те или иные виды деятельности, и т.д. Однако эти факторы относятся скорее к условиям деятельности индивида, лишь косвенно определяя его экономическую активность. И такого рода зависимость — не показа-

тель иждивенчества, но проявление включенности индивида в жизнь «большого общества».

Независимое жизнеобеспечение представляет «позитивную» форму адаптации, предполагающую самореализацию индивида, участие в общественном производстве, создание материальных и духовных ценностей. Использование же *чужих* ресурсов, как мы постараемся показать, если и предполагает адаптацию (выражающуюся в повышении жизненного уровня, и/или в удовлетворенности индивида средой), то в ее ущербной, «негативной» форме, деструктивной для личности или общества в целом.

В настоящей статье основное внимание будет уделено двум видам «негативной» адаптации трудоспособного населения, характеризующимся преимущественным *использованием чужих ресурсов в жизнеобеспечении* — речь пойдет о социально-экономической зависимости (более привычное название — «социальное иждивенчество») и социальном паразитизме. Оба они представляют своеобразное включение людей в социальные связи, при котором происходит *неэквивалентный обмен* социальной деятельностью, акцент переносится с производства на потребление.

Зависимость и адаптация

В самом общем виде социально-экономическая зависимость — это стратегия поведения человека слабого, обладающего минимальным размером «капиталов», не способного самостоятельно обеспечить себя средствами к существованию. Этому человеку сознательно (и часто добровольно) оказывается помощь со стороны другого субъекта (государства, предприятия, другого человека). Рассматривая такие отношения в терминах теории социального обмена, можно сказать, что получающий поддержку не способен адекватно ответить на благодеяния и попадает от дающего в *экономическую зависимость*, которая не отделима от *зависимости социальной*.

К проявлениям социально-экономической зависимости относятся пассивность в жизнеобеспечении, социально-психологические установки на патернализм (опеку) государства, на получение гарантированных материальных благ, осознание себя вправе эту помощь получать и готовность в связи с этим нести определенные издержки, ограничивающие личную свободу.

Привычные «опекуну» миллионов граждан — государство и государственные предприятия — фактически распались; новые, которые бы добровольно оказывали индивидуальную материальную поддержку, еще не появились. Зависимые ожидания в массовом сознании сохраняются, однако на сегодняшний день они не подкреплены наличием покровителя. В современной России «зависимую» модель адаптации успешно демонстрируют пока что лишь домохозяйки и

спонсируемые женщины. Возможно, в ближайшие годы мы станем свидетелями возрождения практики заведения приживалов и содержанок, которая сопутствует высокому уровню имущественной дифференциации населения. Дело в том, что, как показывают Ю. Лапыгин и Я.Эйдельман³, в отношениях зависимости и покровительства структурообразующей стороной является именно зависимая, с ее стремлением освободиться от бремени ответственности. Пребывать в состоянии зависимости, вообще не будучи ответственными за проблемы жизнеобеспечения, комфортно.

Есть два основных объяснения несовместимости социально-экономической зависимости и адаптации в современных российских условиях : во-первых, инерция массового сознания, не способного быстро воспринять новые модели экономического поведения; во-вторых, отсутствие сильных субъектов поддержки (частных лиц или государства).

Водораздел между зависимостью и паразитизмом происходит по таким критериям, как отсутствие/наличие у субъекта рыночных человеческих ресурсов, власти, собственности. В отличие от зависимости паразитизм — это способ существования, при котором социальный субъект удовлетворяет свои потребности за счет других, имея возможность удовлетворять их самостоятельно. Обычно это стратегия поведения «сильных», выражающаяся в злоупотреблении своим превосходством. Важно, что согласия тех, кто поставляет ресурсы, не спрашивается, и объектом паразитизма является низший (или считающийся таковым), зависимый от паразитирующего. Классические проявления паразитизма — воровство, грабеж, рэкет, шантаж и другие способы жизнеобеспечения, состоящие в принудительном перераспределении материальных благ

Принципиальное отличие социального паразитизма от социально-экономической зависимости заключается также в *независимости паразитирующего* от того, чьими ресурсами он пользуется. Если домохозяйки и получатели пособий, скажем, осознают свою зависимость от покровителей (родственников, государства) и отдадут себе отчет в том, что без этой, нередко единственной, поддержки у них будут серьезные трудности в жизнеобеспечении. В случае же паразитизма, то есть насильственного отъема жизненных благ, паразитирующий волен выбирать, у кого отнимать. Субъекты поддержки в этом случае *являются заменяемыми*.

Организация и методы исследования

Настоящая работа основана на данных исследования «Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм как формы адаптации к существующим российским условиям», проведенного автором в 1997-1998 гг. Основная цель состояла в рассмотрении адаптационных возможностей жизнен-

ных стратегий с использованием чужих ресурсов. Здесь и далее мы рассматриваем только трудоспособное население, то есть людей, чей выбор стратегий жизнеобеспечения не ограничен рамками возраста или инвалидности, при которых объективно недоступно использование только собственных ресурсов¹.

Опрашивались пять групп населения, выбор которых был обусловлен, во-первых, гипотезой о том, что в их стратегии жизнеобеспечения с использованием чужих ресурсов представлены наиболее часто, и, во-вторых, результатами предыдущего исследования.

Что касается последнего, то кластерный анализ данных, собранных в результате работы над проектом «Социально-экономическая зависимость как феномен массового сознания» (1996-97 гг.), уже позволил выделить группу «паразитирующих», в основном представленную *предпринимателями, рабочими и криминальными элементами*. Поэтому в выборке настоящего исследования они составили 20,21 и 21%. А с учетом того, что в группе предпринимателей мужчины преобладали, для «чистоты данных» среди рабочих опрашивались также только мужчины (в противном случае гендерные различия были бы слишком значимы); группа же рабочих-мужчин более гомогенна по уровням и источникам средств к существованию.

Критериями отбора «криминальной группы» были наличие у респондентов незаконных доходов, судимости, их разного рода противоправное поведение (воровство, рэкет, подпольная торговля спиртным, наркотиками, проституция, содержание притонов). Поиск в этом случае велся «по наводке», да и сами респонденты не скрывали рода своих занятий.

Домохозяйки (21% в выборке) были взяты как представители типа «зависимого» жизнеобеспечения, также как и получатели пособий (17%; сюда вошли в основном получающие пособия по безработице и пользующиеся различными льготами как малообеспеченные).

Важным условием проведения интервью была *адаптированность* респондентов (ими ощущаемая либо таковая в глазах окружающих людей). Всего опрошено 371 чел. Сбор данных осуществлялся методом формализованных интервью. Основными методами анализа данных было сравнение пяти групп респондентов (метод условного распределения), а также факторный (метод главных компонент) и кластерный анализ (статистические группировки).

Зависимость и паразитизм

Источники поддержки и доходов. В активной экономической роли государства заинтересованы многие, но водораздел проходит по требованиям, которые при этом ему предъявляются: чем активнее, адаптированнее и мобильнее социальные группы, тем более выражены пожелания их представителей нормализовать налоговое законодательство, обуздать преступность, наконец, «не мешать работать». Сказанное можно объяснить тем, что в этом случае они связывают свое будущее прежде всего с *легальной экономической активностью*. Чем ниже группа в социальной иерархии, тем громче раздаются требования материального обеспечения «таких, как я». Наиболее эмансипированными от государства являются носители криминального сознания, чья «независимость» граничит с выключенностью из общества, противопоставлением себя закону и законопослушным гражданам.

Так, в ответах на вопрос «В какой степени сегодня зависит улучшение Вашей жизни от...?» предприниматели и криминальные группы чаще остальных демонстрируют установку на собственные силы, но различаются по отношению к власти, государству как фактору их дальнейшего благополучия. Более половины предпринимателей отмечают государство, а также общую обстановку в стране как значимые для себя, криминал же по индифферентности к государству схож с домохозяйками, выключенными из сферы общественного производства и освобожденными от бремени ответственности за свое жизнеобеспечение.

Установки опрошенных на государственный патернализм оказались незначительными (от 6% среди предпринимателей до 36% среди получателей пособий согласились с утверждением, что «государство должно нести ответственность за гарантированное обеспечение граждан»). Это обусловлено участием в исследовании «адаптированных» бедных; по репрезентативной же выборке доля приверженцев государственного патернализма составляет в среднем треть населения.

Отметим, однако, что желание пользоваться всевозможными благами, получаемыми от государства (пусть и незаконными и не необходимыми) *на уровне пожеланий* демонстрируют все социальные группы, независимо от уровня доходов и социального статуса. Это означает, что в сознании населения прочно укоренился образ государства как «дойной коровы», при которой всегда нелишне подкормиться. Однако реальная помощь, как правило, приходит на уровне социальных связей человека, а группы, рассчитывающие исключительно на опеку со стороны государства, попадают в число самых дезадаптированных. Когда же речь зашла о *реально полученной помощи*, а не об абстрактных пожеланиях, помощь со стороны государства и предприятия остались совершенно вне сферы внимания респондентов.

Экономическая зависимость или независимость хорошо просматриваются в названных респондентами *источниках их доходов*. Так, у предпринимателей практически отсутствуют упоминания в этой связи о своем непосредственном окружении как таковом (о родственниках, друзьях, посторонних людях). Они сами являются субъектами поддержки для своих близких. Все остальные группы отмечают безвозмездную помощь родственников — как один из источников своих средств к существованию или же единственный источник (от 10% у рабочих до 87% у домохозяйек).

Множественность и беспорядочность источников дохода — характерная особенность современной российской ситуации, причем это относится даже к домохозяйкам, (среди них более трети назвали, помимо материальной поддержки родственников, такие источники дохода, как подработка; 27% упомянули государственные пособия и доходы с садовых участков). Интересно еще одно обстоятельство: 13% домохозяйек отметили, что находятся на иждивении людей, с

которыми не состоят в родственных отношениях: судя по всему, это категория так называемых спонсируемых женщин, или содержанок.

Таким образом, мы практически не зафиксировали «чистой» экономической зависимости как формы жизнеобеспечения.

Способы преодоления трудностей, улучшения существующего положения. Все респонденты преодолевают трудности одинаково. Сокращение расходов, влезание в долги, подработки в той или иной степени присутствуют в ответах всех пяти групп. Наряду с криминалом, выразившим паразитические установки, из общего массива выделяются предприниматели, практически не пользующиеся поддержкой родных и близких, и домохозяйки, 15% которых отметили, что им просто не приходилось попадать в затруднительные ситуации.

Социально-экономической зависимости четко соответствует стратегия *самоограничения, пассивного приспособления и выжидания*, то есть опять же ущербный характер адаптации. Для социального паразитизма, напротив, характерны неприемлемость тактики самоограничения (что демонстрирует криминальная группа) и готовность воспользоваться незаконными способами добывания доходов (о них упомянули 52% криминала и 19 % предпринимателей).

Респонденты в целом достаточно терпимо относятся к возможности незаконно перераспределить ресурсы в свою пользу, попросту говоря, украсть. Пользование чужими ресурсами преподносится ими как «умение жить», «самостоятельность», «предприимчивость». Различия здесь лишь в том, у кого украсть однозначно нельзя, а у кого — можно и нужно. Из предложенных вариантов однозначное осуждение вызвал вариант «украсть у бедных», несколько меньше — «у таких, как я», и половина респондентов осудила идею украсть у богатых (доля одобряющих составила 21% среди предпринимателей и 37% среди криминала). Видимо, в массовом сознании все еще живучи призывы к экспроприации экспроприаторов, подкрепленные убежденностью в несправедности нажитых крупных состояний.

Анализ эмпирического материала показывает, что «паразитическая» стратегия тесно переплетена с социально одобряемыми факторами жизненного успеха. Не случайно предприниматели как группа, характеризующаяся наиболее выраженной восходящей мобильностью, сближается по социально-демографическим характеристикам и установкам, с одной стороны, с традиционной группой «рабочие» (жесткие установки на самостоятельность, высокая трудовая активность), с другой (в еще большей степени) — с криминальными группами. И те, и другие широко используют открывшиеся в последние десятилетия экономические возможности. Наиболее велика доля незаконных доходов, по самооценкам, в этих группах, что не противоречит данным других исследователей, отмечающих сращивание частного бизнеса, государственного управления и криминала⁵.

Интервьюеры нередко затруднялись с отнесением респондента к предпринимателям либо к криминалу: граница между ними прозрачна либо размыта. Это происходило в тех случаях, когда, с одной стороны, было достоверно известно, что официально зарегистрированный предприниматель нечист на руку,

обманывает клиентов и партнеров либо фирма служит прикрытием для азартных игр, рэкета, незаконной торговли спиртным и наркотиками. С другой стороны, предпринимательские доходы нередко встречаются у криминальных элементов: торговля краденым, наркотиками и спиртным, содержание притонов, проституция.

По самооценкам, самые независимые в своем жизнеобеспечении — предприниматели (69%) и криминал (52%). Характерно, что в обычных массовых опросах, когда исследователю неизвестны реальные жизненные стратегии, последние обычно попадают в группу «носителей рыночных ценностей», а вследствие использования традиционных вопросов о социально-профессиональном статусе они размываются по социально-демографическим группам предпринимателей, рабочих, служащих, безработных.

Зафиксировано различие в восприятии понятий «быть зависимым» и «жить за чужой счет». Зависимые в своем жизнеобеспечении рабочие не считали, что живут за счет других; напротив, признающиеся в паразитировании криминальные группы считали себя экономически независимыми.

Ответственность, закон, насилие. Группы предпринимателей и криминала, позитивно оценивающие свое социальное самочувствие, чаще остальных демонстрируют установки на самостоятельность в жизнеобеспечении. Из альтернатив «человек должен сам нести ответственность за то, как он сам себя обеспечивает» и «государство должно нести ответственность за гарантированное обеспечение граждан» ими безусловно отвергается государственный патернализм, а согласие с первым утверждением выражают 75% предпринимателей и 66% представителей криминальной группы. Так же безусловно преобладание в этих группах ценности свободы над социальной защищенностью (соответственно 77 и 70%).

«Бесстрашие» перед законом, подъем планки субъективно дозволенного — принципиальная черта социального паразитизма. Если в криминальной группе в наибольшей степени представлено типичное люмпенское сознание — (22% согласных с утверждением «совсем не нужно выполнять закон, который Вам невыгоден» — больше, чем в других группах), то предприниматели несколько более лояльны. Среди них 72% согласились с утверждением «если Вы считаете, что закон противоречит Вашим интересам, нужно сделать вид, что Вы его исполняете, а на самом деле нужно обойти закон» (53% среди криминала). Скорее всего, это не столько «нравственная гибкость» новых русских, сколько условия выживания при сегодняшней ситуации в бизнесе и вокруг него.

Готовность к применению насилия — еще одно условие для существования паразитических форм жизнеобеспечения. И здесь важно, где применение силы является вынужденной самозащитой, а где — намеренным действием.

Если представители трех «традиционных» групп сообщили, что эту грань могут перейти в случае «непосредственной угрозы своей жизни и здоровью», то для половины предпринимателей

эта планка ниже: 27% заявили, что готовы к насилию в случае «угрозы собственности», 17% — «несправедливости по отношению ко мне», 5 %—«если мне это выгодно». В криминальной группе: 40%—в случае «несправедливости по отношению ко мне», 8%—«если мне это выгодно».

Условие для существования социального паразитизма — наличие власти над тем, на ком паразитируют. Власть приобретает в том случае, когда паразитирующий обладает некоторыми безусловными преимуществами. Характерно, что сегодня они представлены качествами, которые позволяют добиться успеха в рыночном обществе: предприимчивость, интеллект, связи, смелость, хитрость (отмечены предпринимателями и криминальными группами), о чем свидетельствует и отнесение себя предпринимателями и криминальными элементами к «сильным» (68 и 63%). Это трудно объяснить одним лишь преобладанием мужчин в данных группах: «сильных» среди мужчин-рабочих вдвое меньше! С зависимостью же, наоборот, коррелируют низкие самооценки респондентов и комплекс «маленького человека», ничем не выделяющегося из массы.

Что изменилось за последние пять лет. Значимый показатель адаптации — восходящая мобильность либо стабилизация своего социального статуса (если только речь не идет о низших этажах социальной иерархии). Соответственную направленность носит и экономическое поведение индивида, нацеленное на то, чтобы жить богаче, сохранить имеющийся уровень доходов и потребления или просто выжить.

Оказалось, что восходящими группами оказались предприниматели и криминал, нисходящими — рабочие и получатели пособий, стабильной — домохозяйки).

Следовательно, установки на самостоятельность способствуют восходящей мобильности, а жизненный успех, в свою очередь, способствует высокой самооценке и является стимулом к дальнейшему наращиванию усилий. Соответственно «неудачники» оказываются в «ловушке бедности», выбраться из которой объективно и субъективно трудно.

Это, конечно, не значит, что социальный паразитизм — стратегия адаптации, наиболее адекватная современным российским условиям, позволяющая извлекать одни лишь дивиденды из «смутного времени». К **негативным** видам адаптации она относится не только с точки зрения общества; она в значительной степени деструктивна и в отношении *субъекта* адаптации.

Так, в самооценках степени своей адаптации и изменений своей жизни за последние пять лет различия между предпринимателями как легитимной группой и криминальными элементами (многие из которых могут быть классифицированы и как «социальное предонье») наблюдаются значительные различия: если адаптировавшимися себя считают 93% предпринимателей, то среди криминала — лишь 79% (хотя и эта цифра значительно выше самооценочного уровня адаптации рабочих и получателей пособий). Высокая степень неоднородности криминальной группы проявляется и в ожидаемых функциях государства в экономическом плане. Если предприниматели последовательны в своих требованиях экономической свободы (71 %), рабочие — в создании рабочих мест и выплате зарплат (65%), то криминальная группа расколота: 43% жаждут максимума свободы и не-

вмешательства государства в их экономическую деятельность, а треть требует «материально обеспечивать таких, как я», сближаясь по этому параметру с самой слабой и неадаптированной группой получателей пособий. В обсуждаемой группе нет единства по поводу определения ее места в социальной иерархии: по 29% поставили себя в слои «выше среднего» и «ниже среднего», 43% — в «срединный» слой. Наконец, она оказалась поляризована по выбору из альтернатив «жизнь к Вам несправедлива» и «трех жаловаться на жизнь, она справедлива к Вам». Возможно, одно из моральных оснований социального паразитизма—осознание себя обделенным и стремление любыми способами изменить существующее положение вещей.

Отметим в заключение неоднозначность понятия адаптации самими респондентами: практически при стопроцентном уровне объективной адаптированности предпринимателей доля отмечающих изменение своей жизни в лучшую сторону существенно меньше — 77%. В других группах эта доля также ниже на 20 пунктов. Судя по всему, в массовом сознании адаптация воспринимается в значительной степени как *аккомодация*, решение наиболее острых проблем жизнеобеспечения, но не более того.

Промежуточный вывод. Собранный в течение двух лет эмпирический материал позволяет сделать вывод, что социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм как типы экономического поведения обладают различным адаптационным потенциалом. В нынешних российских условиях «зависимая» стратегия (как феномен сознания и как реальное экономическое поведение) является мощным фактором дезадаптации трудоспособного населения. Если нарисовать обобщенный портрет носителя «зависимого сознания», то его можно охарактеризовать как «тип неудачника» — низкий уровень доходов, нестабильная занятость, широкое использование таких архаических источников поддержания существования, как садово-огородный участок и помощь родственников; следование стратегии самоограничения, которая позволяет выжить, но не более того.

Психологическую характеристику этому типу дал в свое время Ф.Хайек: «Независимый ум или сильный характер редко встречаются у людей, не уверенных, что они смогут сами себя обеспечить»⁶.

Для успешной адаптации к условиям нынешнего российского общества, к которому в известной степени применимо веберовское определение авантюрно-спекулятивного капитализма, гораздо более соответствует *социальное паразитирование* как незаконное, часто насильственное, присвоение доли общественного пирога.

Адаптация, дезадаптация и типы установок

Мы отдавали себе отчет в том, что, во-первых, отобранные в целевой выборке группы могут не соответствовать всей типологии социально-экономической зависимости и социального паразитизма. Во-вторых, индикаторы обоих явлений были сформулированы нами же, и респондентам лишь предлагалось

либо выбрать подходящий вариант ответа, либо выразить степень своего согласия-несогласия с предложенными утверждениями.

Поскольку задачей было изучение явлений зависимости и паразитизма, а не описание конкретных социальных групп, важно было зафиксировать естественно сформировавшиеся корреляции установок и поведения людей. Для этого использованы факторный и кластерный анализ (метод главных компонент), которому были подвергнуты 40 переменных.

Связь статуса, материального благополучия и социального самочувв

ствия. Анализ факторного пространства выявил четкую взаимосвязь этих трех величин. Важно, что место в индивидуальной иерархии «пять лет назад» в значительной степени определяет его сегодняшнее положение. Мы видим также, что с повышением социального статуса ответственность за события своей жизни и уровень экономической независимости все чаще перемещаются с *внешних* обстоятельств во *внутренний* мир. Отметим, однако, что взаимозависимость статусных характеристик и ориентации на собственные силы не так жесткая, как можно было бы предполагать.

Значения фактора 1 «Жизненный успех» (после вращения). Социальный статус в 1998 г. — ,85032; материальное положение семьи—,81152; удовлетворены своей жизнью—,76794; доход на одного члена семьи—,72512; адаптировались к нынешней экономической ситуации — ,68667; социальный статус в 1993 г. — ,55006; нравятся себе — ,53509; усилия направлены на то, чтобы жить богаче — ,52556; считают, что им грех жаловаться на жизнь — ,51797; считают самих себя хозяевами своей судьбы—,49687; владеют собственностью—,43678; считают себя сильными людьми —,40075; полагают, что общество должно развиваться по законам естественного отбора—,29164; заставляют других работать на себя, эксплуатируют их—,25998; считают себя совершенно независимыми в своем жизненном обеспечении — ,25420; полагают, что им важнее быть свободными и нести полную ответственность за обеспечение себя и своих близких—,25100.

Значение фактора 2 «Социальный паразитизм» (после вращения). Полагают, что могут присваивать чужое имущество, если известно, что останутся безнаказанным—,69210; если бы имели возможность улучшить свое благосостояние за счет других людей, воспользовались бы ею — ,68401; считают «умеющим жить» того, кто улучшает свое благосостояние за счет других—,68401; воспользовались бы возможностью улучшить свое благосостояние за счет государства — ,65655; ради выгоды могут взять то, что плохо лежит— ,56608; полагают допустимым украсть у предприятия —,54776; украсть у богатых—,54249; считают, что общество должно развиваться по законам естественного отбора—,52800; считают возможным украсть у таких, как они—,5065; жить за счет других людей, будучи трудоспособными — ,49768; украсть у бедных — ,45969; подвести партнера по бизнесу—,44502; заставляют других работать на себя—,43640; будучи трудоспособными, получать государственные пособия—,33906; собственность других людей считают священной и неприкосновенной - ,33075; готовы применить насилие по отношению к другому человеку — ,29350.

Четко выделившийся фактор «социальный паразитизм» свидетельствует, во-первых, о том, что жизнь за счет других выступает как жизненный принцип. Причем объекты паразитизма — самые разные: другие люди (богатые, бедные), партнеры по бизнесу, наконец, государство. Однако интересно отметить, что данный фактор получен целиком из переменных, обозначающих умонастроения, *вербальную готовность* к паразитированию; статусные характеристики в дан-

ный фактор не попали. А это значит, что носителями таких ценностей может быть кто угодно.

Значение фактора 3 «Экономическая независимость» (после вращения). Полагают, что важнее быть свободным и нести полную ответственность за обеспечение себя и своих близких — ,65013; что человек должен сам нести ответственность за то, как он себя обеспечивает — ,64649; признают, что улучшение их жизни зависит от них самих—,64398; считают себя совершенно независимыми в своем жизнеобеспечении—,63041; доля личного вклада в семейный бюджет— ,60200; считают себя сильными людьми—,5 5200; полагают, что улучшение их жизни зависит от родственников -48186; готовы к применению насилия по отношению к другому человеку—,45894; считают, что их интересы превыше всего—,45421; сами являются хозяевами своей судьбы — ,39262; полагают, что общество должно развиваться по законам естественного отбора—,36522; усилия направлены на то, чтобы жить богаче — ,27424; владение собственностью — ,26206.

Фактор *экономической независимости*, напротив, составлен как из *декларируемых* ценностей, так и действительной экономической *активности* индивидов. Любопытно то обстоятельство, что успех в жизни и экономическая самостоятельность в факторном пространстве оказались разделенными, то есть они отнюдь не предполагают друг друга.

Значение фактора 4 «Законопослушность» (после вращения). Улучшение их жизни зависит от властей, государства—,73110; улучшение жизни зависит от обстановки в стране—,63859; считают свою собственность священной и неприкосновенной — ,42505; полагают возможным украсть у бедных и бездомных -41752; считают собственность других людей священной и неприкосновенной — ,41601; улучшение их жизни зависит от работодателя, руководства их предприятия —,41134; полагают допустимым украсть у таких, как они -38093; подвести партнера по бизнесу -28151; полагают, что улучшение их жизни зависит от Бога — ,26280; социальный статус в 1993 г. —,25331.

Из полученных данных можно вывести еще одну интересную особенность: ориентация на собственные силы предполагает не только высокую ценность свободы и высокую трудовую активность, но и четко выраженные эгоистические установки, одобрение принципов социал-дарвинизма и даже достаточно низкую планку, за которой применение насилия считается допустимым. Принципы же гуманизма и милосердия ярко выражены именно у слабых, зависимых в своем жизнеобеспечении людей.

Самым неоднородным оказался последний фактор, который распадается на ориентацию на то, что улучшение жизни придет извне, и на неприемлемость нечестных, паразитических способов жизнеобеспечения. Скорее всего, это фактор «традиционного советского сознания», ждущего отеческой заботы от государства и готового, в свою очередь, следовать устанавливаемым последним правилам игры, прежде всего соблюдать закон и обязательно участвовать в трудовой деятельности.

Типы установок на способы жизнеобеспечения. Факторный анализ удобен для выявления внутренней структуры изучаемых нами явлений. Выяснить, встречаются ли они «в чистом виде», нарисовать портреты носителей разных

типов установок на жизнеобеспечение мы можем с помощью другой многомерной классификации эмпирического материала — кластерного анализа.

Массив ответов был сгруппирован по внутренне однородным, сходным сразу по нескольким показателям общности — кластерам. В результате было выделено пять кластеров, разных по своей наполненности, но сопоставимых по объему.

Табл. 1

*Наименование, объем и координаты кластерных центров
в факторном пространстве*

Наименов. кластера	Объем(чел.)	Факторы			
		жизнен.успех	Социальный паразитизм	Экономич. независим.	Законопослушность
Паразитирующие	40	,0260	1,195	,2604	-1,6191
Неудачники	93	-,9322	,4772	-,2771	,7097
Адаптированные	104	,7754	,4772	,7292	,3886
Трудяги	60	-,6293	-1,2687	,5267	-,3908
Домохозяйки	74	,5780	-,3055	-1,2444	-,2461

Кластер «Паразитирующие». Наиболее ярко тип «криминальной адаптации», антисоциальной активности как фактора успеха в условиях нецивилизованного бизнеса демонстрируют молодые мужчины с относительно низким уровнем образования, выходцы из слоев ниже среднего. Это носители люмпенского сознания, бравирующие своими незаконными доходами. Подобная жизненная стратегия, судя по всему, оправдывает себя, что выражается в их удовлетворенности собой и своей жизнью, отнесении себя к более высокому социальным слоям по сравнению с 1993 г («пять лет назад»).

Стратегии социального паразитизма, как мы уже отмечали, соответствующей высокой ценности свободы, причисление себя к сильным, обладающим ресурсами для подавления других (в качестве ресурса этой группы отметим прежде всего «связи с нужными людьми»). Невключенность в сферу общественного производства отражается в независимости от работодателя и обстановки в стране. О достаточно высоком уровне адаптации свидетельствует то, что костяк этой группы в течение последних пяти лет сменил свой социальный статус со «средне-низшего» на прочно «средний». 85% респондентов считают, что им удалось приспособиться к нынешней жизни, 70% живут в достатке; в целом они удовле-

творены своей жизнью. Высокий уровень запросов этой группы выражен в неприемлемости для них (в отличие от остальных групп) стратегии самоограничения: в случае материальных затруднений они всегда имеют в резерве незаконные способы их преодолеть.

Данный кластер по составу представленных в нем групп разнороден (только получатели пособий практически не дали в него своих представителей). Преобладание в нем криминальных групп и предпринимателей (табл. 2) позволяет делать вывод о том, что социальный паразитизм — не только вербальная реакция, соответствующая уровню нравственного развития индивида, но и жизненная стратегия, позволяющая более или менее успешно вписаться в современные российские условия.

Табл. 2

Представленность пяти групп целевой выборки в кластерах

	Паразитирующ.	Неудачники	Адаптированные	Трудаги	Домохозяйки
Предприниматели	25,0	4,3	43,3	18,3	6,8
Рабочие	15,0	31,2	16,3	36,7	6,8
Домохозяйки	15,0	18,3	2,9	11,7	62,2
Получатели пособий	7,5	36,6	4,8	15,0	13,5
Криминал	37,5	9,7	32,7	18,3	10,8

Кластер «Неудачники». Костяк его составляют группы, больше других проигравшие при переходе к рынку — *получатели пособий* (то есть безработные, малообеспеченные) и *рабочие*. Главная характеристика этой группы — ее неадаптированность, высокая степень социально-экономической зависимости, в том числе от государства. Обратим внимание на достаточно высокое значение фактора «социальный паразитизм» (,4772), что отличает ее от кластера «трудяг». Данную особенность удачно охарактеризовал один из наших интервьюеров: «воровать не умеют и боятся». Эта группа демонстрирует определенный «разлом сознания»: паразитические формы жизнеобеспечения ими в принципе не отвергаются, но в силу ряда причин (ограниченность ресурсов, просто трудность) оказываются им недоступны.

Реальное их экономическое поведение примечательно прежде всего нестабильной занятостью (случайные заработки, мелкая торговля) или такими ушербными способами жизнеобеспечения, как жизнь за счет сожителей, про-

ституция. Устная характеристика положения многих из них, данная интервьюерами — «непонятно, за счет чего живут».

В целом этот кластер демонстрирует наиболее чистый вид социально-экономической зависимости: высокую ценность социальной защищенности в обмен на личную свободу, реально существующую зависимость в жизнеобеспечении, приписывание ответственности за события своей жизни внешним силам, стратегию выживания и самосохранения. Их жизнь в значительной степени представляет из себя «сидение на чемоданах», бездеятельное ожидание улучшения своей жизни, которое связывается прежде всего с государством, воспринимаемым в роли кормильца.

Повторим, в выборке были представлены группы населения, находящиеся не в самом бедственном положении, и тем не менее в обсуждаемой группе мы четко видим связь зависимых установок в жизнеобеспечении с социальной дезадаптацией. Для них характерны низкий уровень доходов; нисходящая мобильность (в 1993 г — «средне-низший», как и у паразитирующих, но в 1998 — прочно «низший» слой, к которому относят себя представители этой группы; отсутствие собственности, низкая самооценка, неудовлетворенность жизнью).

Установки на улучшение жизни за чужой счет выражаются в слабо выраженной трудовой мотивации (наиболее предпочтительный вариант — «легкая работа и небольшой гарантированный заработок»). В качестве своих сильных сторон (если они имеются) неудачники чаще всего указывают на трудолюбие и доброту, которые принципиально важны для стабильного существования социума, но... не способствуют индивидуальному успеху в условиях конкуренции и «дикого капитализма».

Кластер «Адаптированные». Судя по всему, здесь мы имеем дело с типом «новых русских». Достаточно большой размер кластера объясняется осо-

бенностями целевой выборки, в которой адаптированность служила важным критерием отбора респондентов. Как видно из табл. 2, в нем безусловно преобладают предприниматели и представители криминала. Наибольшими оказываются значения факторов «жизненный успех» (то есть высокий социальный статус, уже имеющийся большой объем «капиталов») и «экономическая независимость» (жизненная стратегия, создающая и упрочивающая эти «капиталы»). Это самый маскулинизированный кластер (87% — мужчины), в нем наиболее высока доля образованных лиц (43% имеют высшее, 33% — среднее специальное образование).

«Адаптированные» характеризуются высокой трудовой активностью, двойной-тройной занятостью (в отличие от предыдущего кластера, это стабильная основная работа и приносящая высокий доход дополнительная занятость). Из внешних атрибутов респондентов, отмеченных интервьюерами, упоминаются такие, как «хорошо одеты», имеют «автомобиль», «не нуждаются ни в чем»,

«строят дом». Самооценки социального статуса: «средний» пять лет назад и «средне-высокий» — сейчас. Криминальное сознание и соответствующая стратегия поведения свойственны в большей мере «выходцам снизу», не обремененным высоким уровнем образования и общей культуры.

Совершенно гомогенна это группа по двум переменным — адаптированности (96%) и убежденности, что улучшение их жизни зависит от них самих (97%).

Обратим внимание на низкое значение фактора «социальный паразитизм», то есть на принципиальное отторжение подобных ценностей на уровне *сознания*. Но одновременно фиксируется высокий удельный вес незаконных источников дохода, готовность к применению насилия, наличие «крыши» как необходимого элемента экономической деятельности. Наблюдается очередной разлом сознания — неприятие «в душе» таких моделей поведения, но воплощение их в *реальной жизни*. Здесь уместно отметить, что в пока даже самая успешная адаптация носит аккомодативный, вынужденный характер. Не случайно возможности снять возникающий дискомфорт «новые легальные русские» связывают в значительной степени с государством, которое должно обеспечить условия для цивилизованного бизнеса.

Кластер «Трудяги». Это традиционная по своим установкам и ценностям группа, представленная прежде всего *рабочими*, но в целом *гетерогенная* по составу. При невысоком уровне адаптированности к современной жизни этот социальный тип отличается от «неудачников». Во-первых, они категорически не принимают незаконные и безнравственные способы жизнеобеспечения. Во-вторых, обладают жесткими установками на самостоятельность, рассчитывают на собственные силы. Однако большое отрицательное значение фактора «жизненный успех» свидетельствует: самостоятельность вкупе с законопослушностью и альтруизмом в нынешних российских условиях не способствуют процветанию.

«Традиционность» группы характеризуется лучшими чертами наемного работника «советского типа»: высокая ценность честного труда, резкое неприятие эксплуатации, предпочтение «много работать и хорошо получать» как наиболее приемлемая стратегия жизнеобеспечения. Однако в отличие от негативного образа «простого советского человека», описанного Ю.Левадой⁷, данный тип высоко ценит свободу и самостоятельность и не принимают «халяву» в ее различных проявлениях. Даже возможность подкормиться за счет государства отвергают более чем 60% «трудяг».

Хотя 64% лиц, входящих в эту группу, считают себя адаптированными, объективные показатели их благосостояния (уровень доходов и потребления, наличие связей, власти и собственности) далеко отстают от «адаптировавшихся» и «паразитирующих». Высокая трудовая активность позволяет им лишь *поддерживать* существующий средне-низкий социальный статус, что само по себе

выглядит достижением на фоне массового обнищания населения (напомним, удел «зависимых» групп — нисходящая мобильность).

Кластер «Домохозяйки». Тип по преимуществу женской зависимой адаптации, хотя кластер и не абсолютно феминизированный (78% — женщины; по отзывам интервьюеров, в выборку попадали и «альфонсы», хотя в России такой стиль жизни все еще остается экзотикой); характеризуется ярко выраженными зависимыми установками (субъекты покровительства — родственники либо непосредственное окружение), которые здесь совместимы с высоким уровнем адаптированности (77%). Последнее обстоятельство объясняется наличием внешней опоры, которая позволяет сбросить с плеч бремя забот о собственном выживании и процветании и достаточно комфортно существовать под чужим крылом. Такой стратегии неизбежно сопутствуют низкие ценность свободы и уровень социальных притязаний, связанных с самореализацией в профессиональной сфере. О заниженных материальных притязаниях речь не идет, они в данном случае достаточно высоки.

Выводы

Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм, объединяемые понятием «жить за чужой счет», представляют принципиально разные явления: они различаются по своим носителям (слабые/сильные); по способам отъема материальных благ (добровольное предоставление помощи либо насильственный отъем); по направленности деструктивного влияния (зависимые либо непротиворечиво приспособляются, либо страдают сами; паразитирующие представляют угрозу обществу, являясь серьезной разрушительной силой); наконец, по адаптационным возможностям в современной России (совместимость зависимости и адаптированности удалось зафиксировать лишь у домохозяек, поиск «зависимой адаптации» среди других групп результатов не дал, установки же на паразитизм и адаптированность во всех случаях коррелируют).

Можно сказать, что социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм вписываются в мертоновскую типологию адаптаций, представляя соответственно «ритуалистский» и «инновационный» типы.

В первом случае человек, используя «нормальные» (сложившиеся в условиях командно-административной экономики) модели экономического поведения (ожидание патернализма государства, экономическая пассивность), приходит к отвергаемой культурой цели — к бедности, потере социального статуса.

«Инновационный» тип адаптации представлен социальным паразитизмом, при котором для достижения одобряемой цели (экономическое благополучие) используются институционально запрещенные средства (насилие, противоправные действия, «отмена» ценности труда).

В крайне нестабильной среде, каковой является жизнедеятельность в России конца 1990-х гг, даже самые социально продвинутые группы демонстрируют вынужденную адаптацию, предполагающую согласие с одними ценностями и руководство на практике другими. Поведение даже самых активных субъектов экономической деятельности может быть охарактеризовано как *аккомодация*, приспособление к условиям среды.

Четко выражена гендерная специфика адаптации.

Мужская модель адаптации предполагает жесткую ориентированность на собственные усилия, подкрепленные «стартовым капиталом» в виде связей, собственности, власти.

Женская адаптация более гибка, но в целом наиболее успешные ее образцы представлены «зависимой адаптацией» на уровне индивидуальных социальных связей. Хотя в выборке работающие женщины представлены были мало, по данным других исследований известно, что независимая женская адаптация достаточно редка и встречается у женщин, четко ориентированных на профессию — предпринимателей и руководителей.

Примечания:

1 См., например: *Кодрель Л.В.* Социология адаптации: этюды апологии. - Новосибирск: ИЭОПП

РАН, 1997. Здесь содержится 29 осей классификационной системы адаптации.

2 *Irwin. S.* Social Reproduction and Change in the Transition from Youth to Fdulthood // *Sociology*, 1995, vol. 29, №.2.

3 *Латыгин Ю.Н., Эйдельман Я.Л.* Мотивация экономической деятельности в условиях рыночных реформ. -М: Наука, 1996.

4 Заметим попутно, что даже нетрудоспособность не предполагает априорного перехода в состояние экономической зависимости, поскольку существует по крайней мере один независимый источник жизнеобеспечения, не предполагающий экономической активности—собственность или капитал.

5 *Заславская Т.И.* Социальная структура России: главные направления перемен /Куда идетРоссия? Общее и особенное в современном развитии. - М.: МВШСЭН-Интерцентр, 1997.

6 *Хайек Ф.А.* Дорога к рабству. - М.: Экономика, 1992.

7 См.: Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х гг. (Ред. Ю.А. Левада).

-М.:ВЦИОМ,1993.